

Глава 71. Понял, парень

Не то чтобы Цзян Тану не хватало воображения, но ему правда показалось, что, произнося слова «чужой человек», Фу Линцзюнь как-то особенно утяжелил голос.

Цзян Тан не смог сдержать улыбки.

И он и правда улыбнулся. Даже хвостик фразы сам собой чуть приподнялся, будто он закапризничал или заигрывал:

— У меня... нет денег.

Фу Линцзюнь с каменным лицом ответил:

— Я куплю.

Цзян Тан рассмеялся ещё счастливее.

Хотя Фу Линцзюнь ни разу прямо не произнёс, что между ними за отношения, Цзян Тан всё равно чувствовал: они встречаются. Его балуют, о нём думают, о нём заботятся... и, конечно же, следят, сделал ли он домашку.

Ему почему-то всё сильнее казалось, что у двоечника внезапно появился парень-отличник.

— То, что я тебе оставил, всё выучи, — в самом конце напомнил этот парень-отличник.

Цзян Тан мгновенно сник и послушно кивнул.

— И не ленись, — добавил тот.

Цзян Тан тихонько пробормотал по-китайски:

— Понял, парень.

Лицо Фу Линцзюня в темноте было видно не слишком отчётливо, но Цзян Тану показалось, будто у него даже уши слегка покраснели.

Может, просто позади на миг полыхнул огонь.

А потом Фу Линцзюнь очень быстро убрал пустое зеркало, и оно снова стало обычным бронзовым зеркальцем.

Цзян Тан обнял его двумя руками и моргнул.

Только что... когда великий злодей прервал связь, неужели ему и правда почудилось, будто тот чуть ли не сбежал? Странно. Он ведь пробормотал это по-китайски, разве нет?

Цзян Тан ни за что на свете не поверил бы, что Фу Линцзюнь понимает китайский. Он и сам-то ещё не до конца освоил язык этого мира и до сих пор говорил с запинками.

Он никогда не ломал голову над тем, что не может понять, а просто откладывал это в сторону. Тем более что жить с суровым личным наставником и без того было достаточно тяжело. Ни одной из рун он пока ещё не заучил, а если великий злодей вернётся и действительно начнёт устраивать опрос, умрёт он страшно.

Так что времени не оставалось не только на культивацию, но и на прогулки.

Два дня подряд он запирался в комнате и зубрил руны до такой степени, что у него начинала кружиться голова. Стоило закрыть глаза, как эти бесовские закорючки тут же всплывали в голове и крутились-крутились без остановки.

Хорошо ещё, что после попадания в этот мир память у него стала очень хорошей. Если он действительно сосредотачивался, то, кроме особенно сложных рисунков, которые приходилось прогонять в голове по два-три раза, большую часть простых рун он запоминал с первого взгляда.

Вот уж действительно неожиданный бонус попаданца.

Если бы не эта дополнительная способность, он бы ещё в самом начале, когда только попал в этот мир и сидел запертый в клетке, ни за что не смог бы сбежать.

Чтобы выполнить задание, которое дал ему Фу Линцзюнь, Цзян Тан, не считая трёх приёмов пищи в день, почти жил в режиме подготовки к главным экзаменам.

За эти дни к нему заходили и Е Чжэнвэнь, и Хуай Чэнъинь, но он всем отказывал.

Только когда он выучил уже больше половины огромной стопки, а до конца оставалась сравнительно небольшая часть, его уже начало тошнить от зубрёжки. Тогда Цзян Тан наконец согласился выйти вместе с Е Чжэнвэнем и Хуай Чэнъинем просто посмотреть, что там происходит.

Тогда Е Чжэнвэнь говорил, что место, где в префектуре Аньюань проходят занятия, очень интересное. Цзян Тан ещё не знал, в чём именно интерес, но сегодня выяснилось: у молодых учеников рода Хуай как раз проходил экзамен, причём по верховой езде и стрельбе. А это всегда считалось самым шумным и оживлённым днём в году — какой же молодой человек не любит посмотреть на скачущих коней, мечи и луки?

Цзян Тан, честно говоря, был в шоке, что в мире культивации вообще обучают верховой езде и стрельбе. В его представлении культиваторы либо летали по небу на мечях, либо, если были слабее, пользовались артефактами, чтобы добиться того же эффекта.

— Молодой господин Цзян, стоит только послушать вас — и сразу ясно, что вы совсем новичок в даосском пути, — сказал Хуай Чэнъинь, когда понял, о чём тот думает, и принялся всё объяснять по полочкам.

— На самом деле большинство культиваторов вообще не могут сформировать ядро и прорваться к ступени мастера Дао. Есть поговорка: «Мастер Дао за сто лет, бессмертный Дао за тысячу, святой Дао за десять тысяч». И даже среди тех, кто способен дойти до этого, почти все уже считаются очень талантливыми.

— Это, конечно, сейчас прозвучит так, будто я хвастаюсь, но если взять для примера меня и Чжэнвэня — наше происхождение и способности уже намного лучше, чем у большинства культиваторов. И всё же до формирования ядра нам ещё далеко. Разве что можно надеяться успеть до двадцати пяти.

— В роду всегда есть часть учеников, которые за всю жизнь так и не смогут сформировать ядро. Тогда их отправляют работать в разные смертные города неподалёку от духовных земель или в другие места — заниматься всякими делами. Из оставшихся тоже лишь немногие

успевают сформировать ядро до ста лет. А даже если ядро уже есть, полёт на мече всё равно слишком расходует духовную силу. Поэтому, если не нужно срочно бежать или решать что-то важное, почти все во время путешествий и деловых поездок всё равно ездят верхом.

— А экзамен по стрельбе у нас связан с одной техникой рода Хуай. Скоро сами увидите.

И в романах, и рядом с великим злодеем Цзян Тан всё время видел только самую вершину мира культивации.

Про Фу Линцзюня и говорить было нечего. А все младшие, которые постоянно оказывались рядом с ним, тоже были один другого талантливее. В оригинале нынешняя пятёрка небесных гордостей считалась самой адской и самой яркой за последние сто лет — только так и смогла собраться команда главного героя. А вообще-то за целое столетие и один настоящий талант — уже редкость. При таком количестве культиваторов по всем пяти континентам, среди бессмертных сект, великих родов, больших и малых школ и странствующих одиночек, очень многие готовы расквасить друг другу головы за несколько десятков или сотню духовных камней, а то и за один хороший духовный меч.

Фу Линцзюнь много лет был отрезан от мира в долине Тяньбэй, а потом, едва выйдя наружу, почти сразу сумел подкупить Лу Сина — ходячий сборник всех мелких слухов. И для этого ему хватило одной духовной каменной пластины среднего ранга.

Лишь прожив рядом с великим злодеем какое-то время и увидев, как легко он тратит деньги, Цзян Тан наконец начал понемногу понимать, как на самом деле живёт обычный культиватор.

Они ещё не успели подойти к тренировочной площадке, где проходил экзамен по верховой езде и стрельбе, как издали уже донеслись шумные крики молодых ребят.

По площадке с грохотом летели кони, выбивая копытами облака пыли. Семь или восемь юношей в синих повседневных одеждах рода Хуай, приталенных в поясе и узких в запястьях, мчались плотным строем. На поясах у них были яркие пояса разных цветов. По словам Хуай Чэньиня, чем темнее цвет, тем выше были результаты на предыдущем экзамене: лучший — чёрный, за ним фиолетовый, затем красный.

А те, кто стоял по краям в белых поясах, в прошлый раз экзамен не сдали. Белый пояс считался знаком позора.

Цзян Тан и представить не мог, что нынешний мир культивации уже настолько любит соревнования и постоянные проверки.

Юноши на конях уже натягивали луки. На площадке стояло двадцать четыре мишени, и каждому экзаменуемому полагалось только по три своих. У стрел каждого был свой цвет оперения. Если выстрел улетал в сторону или, что ещё хуже, попадал в чужую мишень, оценка, конечно же, получалась скверной.

Тонг! Тонг! Тонг!

Один за другим звучали выстрелы.

Все были в том самом возрасте, когда кровь кипит особенно ярко, так что, если кто-то мазал раз за разом, остальные не жалели громких насмешек. Зато тех, кто чаще попадал в яблочко, встречали бурными восторженными криками.

— Отлично!

— Брат Чэнчжан, ты лучший!

Услышав знакомое имя, Цзян Тан только тогда заметил, что в одной из групп на площадке был и тот самый Хуай Чэнчжан, который подарил ему цветок.

Сейчас он совсем не был похож на того смущённого, запинаящегося парня. Высокий хвост, синий костюм, лицо бодрое и уверенное. А главное — на талии у него был чёрный пояс, которых на всём поле почти ни у кого больше не было.

Так он, оказывается, действительно силён.

— Если не считать того, то в роду, наверное, сильнее брата Чэнчжана уже никого и нет?

— Да как его сравнивать с тем... Он же единственный прямой наследник. Конечно, к нему и отношение другое...

Голоса были не слишком громкими, но Цзян Тан как благой зверь обладал чутким слухом, а у Хуай Чэнъяня и Е Чжэнвэня уровень культивации и вовсе был намного выше, так что слышали они всё прекрасно.

— Чэнъянь... — нахмурился Е Чжэнвэнь, глянув на него.

Но Хуай Чэнъянь, похоже, уже давно привык, что за спиной о нём шепчутся, и не сердился. Наоборот, он с оживлением продолжил объяснять Цзян Тану:

— Молодой господин Цзян, вы ведь заметили? Хотя экзамен формально по верховой езде и стрельбе, на каждой стреле есть ветер. Те ученики, чьё развитие ещё слабовато, могут превращать духовную силу в ветер и прикреплять его к стреле. Так удар получается намного сильнее.

Здесь было спокойно и мирно, зато вдали люди, решив, что их всё равно не услышат, говорили всё наглее.

— Эй, а это кто?

— Да это же тот противный гуляка из префектуры Фуфэн. Какого чёрта он здесь делает...

— Пф, а не потому ли, что вернулся вместе с тем? Оба ведь родились с золотыми ложками во рту, конечно, дружат. Ты вообще видел, чтобы тот хоть с кем-то из рода водился? Да он на нас просто смотрит свысока...

Хуай Чэнъянь терпел и это, а вот Е Чжэнвэнь — нет. По характеру он и так никогда не был тихоней, да ещё и имел за спиной дядю — главу секты Ляньи, а сверху ещё и самого владыку области Цянькунь, Цзян Чаньюаня. Потому он тут же вскипел, развернулся и пошёл назад, по дороге выпустив своего величественного серебристо-инейного тигра.

Серебристо-морозный тигр был самым настоящим высокоранговым чудовищным зверем. Пусть ещё не взрослым, но уже достаточно сильным, чтобы давить всех присутствующих одной аурой.

— Да Бай, вперёд! — рявкнул Е Чжэнвэнь и понёсся к тем, кто сплетничал.

Хуай Чэнъянь побледнел и тут же кинулся следом.

Цзян Тан тоже хотел побежать за ними, но дорогу ему внезапно перегородила высокая, крепкая фигура.

Квадратное лицо, густые брови, большие глаза, синий тренировочный костюм и чёрный пояс на талии.

Это был Хуай Чэнчжан.

— Ц-цветок... красивый? — спросил он, вспыхнув до самых ушей.

Цзян Тан не был уж настолько тупым.

Когда Фу Линцзюнь увидел тот горшок с цветком, он сказал, что за подарки от чужих людей нужно отвечать ответным даром. Эти слова сразу привели мысли Цзян Тана в порядок. Он с Хуай Чэнчжаном ни родственники, ни друзья, а тот внезапно дарит ему цветок и теперь ещё приходит с таким смущённым лицом... Даже будучи благородно одиноким человеком без всякого опыта отношений, Цзян Тан уже чувствовал: запах тут какой-то не тот.

— Красивый, — решил он сперва провести чёткую границу. — Я... пришёл впервые... не подготовился. В следующий раз... подарю... ответный подарок.

Но стоило ему это сказать, как лицо Хуай Чэнчжана стало ещё краснее.

Опустив голову, он с радостным дрожанием в голосе проговорил:

— Н-необязательно... Молодому господину Цзяну не надо подстраиваться под мою манеру речи. Я... в обычное время... не заикаюсь. А насчёт подарка... мне достаточно уже и вашего внимания...

Цзян Тан: ?

Да кто под кого подстраивается! Он сам заикается по жизни!

И вообще, услышал ли он главное? Он ведь сказал про ответный подарок только потому, что не хотел быть никому обязанным. Причём тут какие-то чувства?

Этот человек вообще умеет понимать намёки?

Неизвестно, какая именно фраза Цзян Тана так взбодрила Хуай Чэнчжана, но, стоя до этого в пяти чи от него, он вдруг сделал шаг вперёд и оказался почти вплотную — между ними осталось всего несколько цуней.

Цзян Тану стало не по себе, и он попятился на шаг. Хуай Чэнчжан тут же с надеждой двинулся следом.

Это вторжение в личное пространство было для Цзян Тана почти физически неприятным.

Он уже собирался попросить Хуай Чэнчжана не подходить ближе, когда сзади внезапно пронеслась стрела, скользнув по лбу юноши.

Сильный ветер, полный острого, как нож, намерения убивать, срезал прядь волос с его лба и с воем полетел дальше к мишени.

Тонг!

Стрела намертво вонзилась в цель. Натянута она была с такой силой, что почти вся ушла внутрь мишени, а оперение на хвосте ещё долго дрожало, прежде чем успокоиться.

Хуай Чэнчжан, собиравшийся приблизиться к Цзян Тану, так и застыл на месте.

Лоб у него всё ещё горел от мнимой боли, будто стрела действительно содрала кожу. Он торопливо ощупал себя — крови не было.

Цзян Тан тоже испугался этой стрелы. Но Хуай Чэнчжан уже успел его достать, так что неожиданная помощь пришлась очень кстати. Он сразу отступил назад на несколько шагов и вырвался.

Потом посмотрел туда, откуда прилетела стрела.

Никого.

— К-кто это?! — Хуай Чэнчжан тоже ощупал лоб, убедился, что не ранен, и уставился в ту сторону, откуда стреляли. Но тоже никого не увидел.

Сегодня был день экзамена в школе префектуры Аньюань. Молодые ученики толпились на площадке, и стрелы звенели со всех сторон. У некоторых стрельба и правда мало чем отличалась от покушения на убийство, так что Хуай Чэнчжан решил, что это просто кто-то промахнулся.

— Молодой господин Цзян, здесь слишком опасно. Пойдёмте лучше туда?

Он уже хотел поддержать Цзян Тана за руку, как среди пыльной площадки какой-то человек в чёрном одним ловким движением вскочил на коня. Длинные ноги сжали бока скакуна, и тот с поднятой пылью красиво перелетел через деревянные преграды, стоявшие на экзаменационной дорожке.

Копыта застучали всё ближе. Всадник молнией пронёсся мимо Цзян Тана, одной рукой подхватил его и поднял на коня.

— А! — от неожиданности Цзян Тан вскрикнул, но уже в следующее мгновение знакомый прохладный аромат окутал его сзади, а крепкие руки плотно прижали к груди.

Это был Фу Линцзюнь.

— Он тебя обидел? — спросил он.

Цзян Тан на миг застыл. А потом увидел, как Фу Линцзюнь, не мешкая ни секунды, уже вынимает из-за спины стрелу и смотрит на Хуай Чэнчжана сквозь клубы пыли. От страха он поспешно затараторил:

— Нет! Нет! Он только... говорил!

Великий злодей ведь не собирается прямо в префектуре Аньюань убить человека? Нет-нет, только не это! Он же с таким трудом добился помощи Хуай Шоусиня. Это ведь будет настоящий разгром!

Но Фу Линцзюнь уже выпустил поводья обеими руками, вытащил из колчана ещё две стрелы, наложил три сразу на тетиву, натянул лук и выстрелил.

Три стрелы с пронзительным свистом промчались мимо Хуай Чэнчжана, а затем одна за другой вонзились в три мишени, в которые тот попал раньше.

Сила удара была такой, что прежние стрелы в центрах мишеней разлетелись на куски. Три соломенных щита сотряслись так сильно, что несколько раз качнулись всем корпусом, а потом не выдержали и с грохотом рухнули на землю.

Вся площадка ахнула.

С того мгновения, как Фу Линцзюнь вскочил на коня, подхватил Цзян Тана и тут же взялся за лук, всё произошло так быстро, что многие даже не успели ничего понять. Но три мишени Хуай Чэнчжана все видели отчётливо. Даже если бы кто-то случайно попал в его цель, стрелы просто встали бы рядом. Чтобы разбить уже засевшие внутри стрелы в щепки... это какой же силой нужно было обладать?

— Тсс! Кто это вообще такой?

— Не знаю... не из нашего рода точно.

— Я видел его. Это один из тех, кто вернулся вместе с тем господином и гулякой из Фуфэна.

— ...Ну и что это за человек такой? Пришёл на чужую землю и показывает силу? А как теперь считать результат брата Чэнчжана?

— Тише, тише. Я в тот день видел, как глава рода лично ходил к нему. У него, похоже, происхождение непростое...

Цзян Тану вдруг ужасно показалось, что Фу Линцзюнь сейчас выглядел как взрослый студент, пришедший в детский сад и принявшийся там обижать малышей.

Прижавшись к нему всем телом, он с улыбкой спросил:

— Зачем... обижаешь... других?

Фу Линцзюнь в ответ только крепче обнял его за талию.

— Руки чесались, — мрачно сказал он.

<http://bllate.org/book/17032/1645086>